

A person is shown from the chest up, wearing a black t-shirt. The t-shirt has the text "N8NЖ" printed in a bold, yellow, sans-serif font across the chest. The person is also wearing blue jeans. The background is a plain, light color.

N8NЖ

Константин Лапенко

Константин Лапенко

N8NЖ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70461514
SelfPub; 2024*

Аннотация

Новенькая в классе. В стремном платке и без бровей На инопланетянку похожа. Щас поржем! Пустить мемчик в чат, не со зла, так, чисто по приколу, унизить, задеть...Хм... странно, что не обижается. И смотрит на нас так... по взрослому... Пронзительный рассказ о важном.

Константин Лапенко

N8NЖ

Я нарисовал лысому гуманоиду, здорово смахивающему на нашу новенькую, розовый платок и перетащил ее на фон в виде лунных кратеров. Подумал и добавил текст: «Иванова! А ты с какой планеты?» Готово! Скинул новый мем в общий чат, и покосился на Светку. Та захихикала и показала мне из-под парты большой палец. Чуть позже послышались сдержанные смешки и остальных ребят в классе. Петька одобрительно хлопнул меня по плечу:

– В точку, Костян! Она натурально инопланетянка.

Вообще-то не люблю, когда меня называют Костян, но Петьке можно – друг детства. Простой и надежный. А Светка – самая клевая девчонка в классе. Все пацаны завидовали, что мы с ней в одном подъезде живем.

А эта...

Странная девочка-инопланетянка появилась у нас недавно. Ее родители переехали в наш город откуда-то из Донецка. И вот теперь, это непонятное существо, своим внешним видом бесило наших девчонок и вызывало насмешки у пацанов.

Наша классная, Вера Пална, привела ее в середине лит-

ры и сказала, что эта девочка, Лена Иванова, некоторое время будет учиться вместе с нами. Прошу любить и жаловать. Девчонки тут же измерили ее взглядами, оценили нелепый розовый платок на голове, невысокий рост, дешевое платье, покоцанные туфли и признали негодной. Светка резюмировала:

– Стопудово в переходе одевается.

Петька, ткнул меня в бок и отпустил что—то насчет ее бровей и того, что лицо с большими синими глазами, смотрится из-за их, бровей, отсутствия, на редкость интеллектуально.

Кажется, мы обсуждали это достаточно громко, чтобы она услышала.

Новенькая сверкнула глазами и молча прошла на свободное место, благо сейчас их было полно и стала доставать из потрепанного рюкзака учебник, тетрадь и ручку.

А Семен Терентьич, наш литератор, укоризненно посмотрел на нас поверх очков, деликатно покашлял и продолжил вещать о Генри. Это такой буржуйский писатель. Фамилию не помню. Но у нас дома вроде есть его книжка.

Но вот чем—то она мне запала. Было в ней что—то не от мира сего. Ну, кроме странной внешности и нелепой одежды. Может быть поведение? Ни с кем не общается. Все время в своих мыслях. На подколы не ведется. Не обижается, улыбается только. Печально так улыбается. Как взрослый над

детьми. Будто ей не двенадцать лет, а все сорок. Может и правда, инопланетянка?

– А ну стой, глазастая! Тебе, говорю! – Квакин сдернул платок с новенькой и вытаращился на ее лысый череп. – Опа, Колян, зацени какой скин!

Новенькая прижалась спиной к стене и уставилась глазами на школьную гопоту. Мишка Квакин и его «братки», Колян и Федюня, отпустили что-то из блатного фольклора и дружно заржали. Ну, да, крутота, чо... Мы с Петькой переглянулись.

Тут такое дело. Понятно, что со шпаной связываться себе дороже. И впрягаться за эту, как ее, Лену, блин, Иванову, даже стремно – сами ее не раз подкалывали. Но одно дело, когда это мы, ее одноклассники, без злобы и по дурости и совсем другое, когда какие-то подонки из седьмого «Б», да еще так изощренно, с издевкой. Да и не знали мы, что у нее с волосами проблема. Ну, носит и носит этот свой дурацкий платок, может ее религия по—другому не позволяет.

– Петь, поддержи-ка... – Я отдал другу рюкзак и накинул капюшон толстовки. Несколько раз присел, попрыгал, чтоб сбить дыхание, покрутил руками, вздохнул поглубже и ринулся в бой.

Вклинился между ними и Ленкой. Схватил Квакина за ру-

кав. Тут же отпустил. Согнулся, дыша как паровоз и опираясь на коленку. Посмотрел на опешившую троицу.

– Ты чо пацан? – те, явно не знали, как реагировать. – Борзомер зашкалил?

Поднял ладонь, мол щас объясню, отдышусь только:

– Уф-ф! Квакин... Тут такое дело... Ах-хах... Да что ты... Уф-ф... Задохнулся пока бежал... Я видел менты... к директорше подвалили!.. Про тебя базар шел... Вот, кароч!

Квакин сбледнул с лица, зыркнул по сторонам глазами, кивнул, мол спасибо, братан, не забуду, и быстрым шагом, срываясь на бег, двинул к гаражам. Колян с Федюней, втянув головы в плечи, молча ломанулись следом.

– Костян, ну ты даешь! – подошел Петюня с двумя рюкзаками. – Ты в курсе вообще, что они лет пять кикбоксингом занимаются? И у кого? У Петровича! А он, сам знаешь, бандит.

– Знаю. Ну а как еще с ними? Не драться же в самом деле. – я поморщился. Нагнулся, поднял валявшийся под ногами розовый платок, отряхнул и протянул девочке.

– Лен, ты как, норм?

Инопланетянка смотрела на происходящее без испуга и волнения, с каким-то даже интересом. Медленно кивнула:

– Спасибо. Я в порядке.

Не, ну может ей и в самом деле все это нормально?

– Слушай, Костик, – сказала Светка, аккуратно откусывая пиццу и потягивая колу, – А ты, что про новенькую думаешь?

Я огляделся. Народа в пиццерии было немного, а тех, что были, рассаживали через столик. Ну, что я думаю? Да ничего не думаю. Странная она...

– Странная она. – говорю.

– И все?

– И все.

– Ну да, ну да... – протянула задумчиво Светка и как-то оценивающе посмотрела на меня. Потом отодвинула недоодевшую пиццу и уткнулась в айфон.

На следующий день был еще эпизод. Лена попросила донести до дома ее рюкзак. Смотрю – стоит, на ступеньках, оглядывается растерянно. Хлопает огромными глазами. Спросил, что за дела. Говорит, рюкзак что-то вдруг слишком тяжелый стал. Поможешь? Ну, она недалеко жила, рядом с больницей. Чего бы и не донести.

Тут из дверей школы вывалилась наша компания. Загальдели:

– Костик, ты с нами?

– Костян, давай к нам!

– Ребят, сорян, – развел руками, – я задержусь, тут одно

дельце...

– Ну, ну! – Светка посмотрела на инопланетянку, на ее рюкзак, перевела взгляд на меня, фыркнула и крутанувшись на высоких каблуках с красной подошвой, вся такая в обтягивающих левайсах, поцокала в Макдональдс. Блин, клевая она! Эх... Народ, с гомоном и смехом, потопал за ней. Ну да, днюха же у нее сегодня.

– Я догоню! – крикнул ей вслед. Светка, не оглядываясь вскинула средний палец. А Петька, крутанув мне у виска, припустил за ней. Я пожал плечами и закинул на свободное плечо Ленкин рюкзак.

– Фигасе! Ты чем его нагрузила? – спросил, удивляясь его тяжести. – Нам вроде столько не задают.

– Книжки любимые. Все время с собой таскаю. Помогают. Но вот что-то тяжело стало.

– Книжки? Ну да, они тяжеленные. Помню, когда зимой переезжали, сложил в коробки всю нашу библиотеку. Так думал надорвусь, пока пер их на пятый этаж. Подумал: в книгах – вся тяжесть мира. Зацени, какой смысл!

– Это да. – Лена помолчала, посмотрела на меня внимательно и добавила. – Но в них еще и спасение.

Мы потом еще несколько раз ходили вместе. Однажды, когда уже подходили к ее дому, мимо медленно проехала машина скорой помощи. Водитель крутил головой и высматривал номера домов. Ну, не везде они были. Я подсказал ку-

да ему надо, а потом сумничал, сказав, что, когда на реанимобиль наносили надпись, перепутали стороны у трафарета и слово **AMBULANCE**, получилось зеркальным. Так вот и ездят теперь с надписью наоборот.

– Нет, – сказала Лена и поправила свой платок, – это сделано специально, чтобы водитель едущей впереди машины, глядя в зеркало заднего вида, правильно все прочитал и пропустил скорую.

Ничесе!

Она перестала приходить в школу через десять дней. Это особо никого не удивило. В последний год многие выпадали из обоймы. И предстоящие летние каникулы особо не радовали – «наотдыхались» уже все на карантине. До конца четверти оставалось совсем немного и надо было закрывать долги. А Ленка здорово отставала. Я услышал, как Вера Пална пыталась про нее Терентьича. Тот заступался, конечно, но потом руками развел. Телефона Ленки я не знал, но дом, где она живет, конечно, помнил. Вызвался заскочить, передать список, чего и как ей догонять.

Вот только уже дойдя до подъезда, понял, что квартиру-то я ее не знаю! Провожал ведь только до подъезда.

Остановился в растерянности.

И че делать?

Сзади тонко тявкнули. Оглянулся. Пожилая женщина в стоптанных тапочках и в выцветшем фланелевом халате, выгуливала мопса. Во, спрошу у нее. Бабульки про всех жильцов знают.

– Извините! Вы не знаете случайно, Лена Иванова в какой квартире живет?

Бабуля подтянула к себе мопса, потом полезла в карман и не спеша, достала из кармана большие очки, с дужкой заклеенной скотчем, неторопливо протерла стекла фланелевой тряпочкой, долго прицеливалась, все же надела наконец и подозрительно уставилась на меня.

– А ты с какой целью интересуешься? – голосом опытного чекиста спросила она.

– Уверю вас, у меня намерения самые серьезные. – в тон ей ответил я. – Имею важное поручение от классного руководителя навестить товарища.

Хотел еще щелкнуть каблуками, но передумал.

– Ишь ты. Ну, тогда случайно знаю. В двадцать первой они с матерью живут. Во втором подъезде.

– Большое спасибо! – я кивнул и повернулся чтобы уйти.

– Только нет ее больше. – добавила бабка. – Увезли ночью на скорой.

Меня словно по голове огрели.

Я медленно повернулся.

– Что, простите?

– Увезли, говорю. На скорой. Вон в больницу нашу. И

мать там...

Ленину маму я узнал сразу. По глазам. Такие же синие и огромные. Только синяки под ними. А еще волосы у нее есть. Русые. И брови. Красивая...

Она сидела на кушетке в больничном коридоре и смотрела в стену перед собой. Я сел рядом. Огляделся. Желтые крашенные стены. Красно-коричневый пол. Мимо нас неторопливо, как-то очень осторожно, держась кто за грудь, кто за поясницу, проходили пациенты. Кого-то провезли на каталке. Пробежали медсестры. В конце коридора, там, где операционная, кто—то громко вскрикнул. Здесь, наверное, каждый день так, все время что-то происходит. Очень серьезное. И специфический запах лекарств и чего-то еще, приторного, от чего хочется съежиться, спрятаться, убежать...

– Здравствуйте. Вы Ленина мама? – я потрогал женщину за плечо. – Меня Костя зовут.

Женщина вздрогнула, посмотрела на меня.

– Знаю тебя... Лена... рассказывала... Костичкой называла.

У меня в груди что—то заныло.

– В вашем городе... вот в этой больнице... работает лучший врач, который... может... – Ленина мама с трудом сдерживала слезы. – Он сказал... что сделает... все возможное. Все, что... в человеческих силах...

Она сдавленно всхлипнула. Замолчала. Потом, что-то вспомнив, пошарила рядом с собой, нашла потрепанную сумку, достала и протянула мне мятую бумажку.

– Возьми, Лена тебе передала. Наверное, знала, что придешь. Сказала, что это важно. А мне тебя искать... как-то не до того было.

Я развернул. Одно слово: **НТОМОП**. Правый краешек буквы *T* зачеркнут.

Я знаю этот шифр. Чтобы его понять, даже не нужно зеркала. Как я дошел до дома, не помню.

Я смотрел в пространство перед собой и ничего не видел. Слезы застилали глаза. Вот яркое пятно окна, а правее – разноцветные пятна книг в книжном шкафу. Книги. Чем вы можете мне помочь? Чем вы ЕЙ можете помочь?? Чем Я могу ей ПОМОЧЬ???

С трудом проглотил ком в горле, поморгал, вытер глаза рукавом, подошел к шкафу, провел пальцами по цветным корешкам. Прочитал первое попавшееся – О. Генри. Новеллы... Что—то знакомое. Взял, пролистал. Споткнулся о название рассказа – «Последний лист». Последний! Да что ж такое! Швырнул книжку на кровать. Бухнулся рядом сам. Уставился в потолок. Тоска и безнадега...

Вспомнился самый первый день, когда классная предста-

вила нам Ленку. Будто вчера все было. Времени—то, всего ничего прошло. Вспомнил свой дурацкий мем с прилипшим к ней прозвищем. И еще всякое. Глупое. Глупое! От стыда хотелось провалиться. Тереньтич меня за эти шуточки, от которых весь класс ржал, однажды указкой треснул. Извинялся потом – первый раз в жизни, говорит, не сдержался, ударил ученика. Мало треснул.

О чем же он тогда рассказывал? О каком-то Генри. Писателя кажется, так звали. Или это фамилия его?

Я скосил глаза на книжку, лежащую рядом со мной. Так вот же – О. Генри. «Новеллы».

Да ладно???

Взял, открыл, устроился поудобнее. Ну, что там за «Последний лист»?

Дальше все завертелось в бешеном темпе. Мысль, что делать, вспыхнула сразу и целиком. Позвонил своим. Быстро все обсудили. Запустил фотошоп, набросал дизайн. Светка кликнула девчонок, они обежали нужные магазины. Потом придумали эту фишку с волосами... Я не знаю... Спасибо им!

Петька обзвонил экспресс-типографии и сделал срочный заказ.

Квакин, кто бы мог подумать – Квакин (!), со своими бойцами, уже среди ночи, примчался на отцовской тачке и до утра торчал рядом с печатником, считая тираж, чтобы всем

хватило.

Телефоны не умолкали до самого утра...

С рассветом я уже караулил лечащего врача у дверей больницы. И когда наконец дождался, чуть не сбил его с ног, когда тот выходил из машины. И теперь этот немолодой уже, сутулый и очень уставший мужчина, с покрасневшими глазами, удивленно смотрел на меня и силился понять, чего от него хотят.

– Доктор! Ну, послушайте меня. Это, очень важно! Обязательно передайте ей это! Обязательно! И скажите, пусть наденет и посмотрит на себя в зеркало! Слышите? В зеркало! А потом выглянет в окно. Это тоже важно. Поверьте. Это Крайне Важно! Вы же сами говорили, что сделаете ВСЁ ВОЗМОЖНОЕ!

Врач посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул, забрал сверток и ушел.

Раннее утреннее солнце осветило площадку перед больницей, на которой мы стояли всем классом. В одинаковых футболках, со странной надписью **N8NЖ**, через всю грудь. Задрав лысые головы, мы пялились в окна третьего этажа и пытались угадать, где ее палата.

А Ленка, в футболке с такой же надписью, чтобы глядя на себя в зеркало, смогла прочитать ее правильно, стояла худы-

ми коленками на подоконнике и уперевшись в стекло большим своим лбом без бровей, смотрела на нас и плакала. Плакала и улыбалась. Хорошо так улыбалась, радостно.

Наша инопланетянка :)